

Е. А. Пивнева

**Рынок как фактор социокультурных изменений у обских угров
(исторический аспект)¹¹**

Аннотация. В статье в рамках новой для отечественной науки области исследования – антропологии рынка – рассмотрены исторические аспекты рыночных (торговых) отношений у обских угров. Какое влияние они оказали на различные стороны жизни народов Сибири? Какова их социальная обусловленность и моральная сущность? Чему учит нас история? Эти вопросы остаются актуальными и в современной жизни обских угров в связи с существующей политикой коммерциализации традиционной хозяйственной деятельности и культуры коренных малочисленных народов Севера. Работа основана на историко-этнографической литературе. В фокусе внимания – сюжеты, важные для понимания динамики социокультурных изменений у обских угров: особенности торгового обмена и характер взаимоотношений торгующих; кредитная система и алкоголь в практике меновой торговли; формирование у сибирских аборигенов зависимости от привозных продуктов и переориентация их хозяйственной деятельности на рынок; новации в культуре и др. В заключение автор приходит к выводу о неоднозначном влиянии рыночных отношений на этническую культуру обских угров и солидаризируется с мнением о том, что обмен (торговля) должен быть лишь средством осуществления функционирования общества, а не его целью.

Ключевые слова: антропология рынка, обские угры, история, культура, обмен, торговля, социокультурные изменения, ценности.

E. A. Pivneva

**The market as a factor of social and cultural changes among the Ob Ugrians
(Historical aspect)**

Abstract. In the article in framework of the new field of research for national science – anthropology of the market – the historical aspects of the market (trade) relations among the Ob-Ugric people are considered. What impact have they had on various aspects of life of the peoples of Siberia? What is their social conditioning and moral nature? What history teaches us? These issues remain relevant in modern life of the Ob-Ugric people in connection with the existing policy of commercialization of traditional economic activities and culture of indigenous peoples. The work is based on historical and ethnographic literature. There are important for understanding of trends of sociocultural changes among the Ob-Ugric people subjects in the focus of attention: features of the trade exchange and the nature of relationships between trading partners; credit system and alcohol in the practice of barter; formation of dependence on delivered products among indigenous people and the reorientation of their economic activities on the market; innovations in culture etc. The author comes to the conclusion about ambiguous impact of market relations on the ethnic culture of the Ob Ugrians and stands in solidarity with the opinion that the exchange (trade) should be only the mean of implementing of functioning of the society, but not its purpose.

Key words: anthropology of the market, the Ob Ugrians, history, culture, exchange, trade and socio-cultural changes, values.

¹¹ Работа выполнена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 15-01-00452 «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н. В. Ссорин-Чайков).

Сегодняшняя политика коммерциализации традиционной хозяйственной деятельности и культуры коренных малочисленных народов Севера ставит на повестку дня вопросы о сбалансированном соотношении этнических традиций и новаций, гармонизации принципов выгоды (прибыли) и неотчуждаемых ценностей, социальной обусловленности и моральной сущности экономических отношений. Для адекватного понимания возникающих в этой области проблем и противоречий одних экономических моделей явно недостаточно. Необходимо глубинное этнографическое исследование в рамках новой для отечественной науки области исследования – антропологии рынка. В рамках междисциплинарного проекта «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» такие исследования находятся еще в начальной стадии, но уже сделан один из важных выводов о том, что народы Севера и Сибири существуют и существовали и вне, и внутри рыночных отношений. «Экономика северных сообществ представляет собой сложное переплетение нерыночного дележа, дарообмена, символического обмена, вертикального обмена с государством (дань и налоги) и отношений рыночной купли-продажи» [1, 108].

Всю обозначенную выше проблематику в рамках одной статьи обсудить и даже затронуть не представляется возможным. Настоящая работа имеет целью рассмотрение некоторых исторических аспектов торгово-обменных отношений обских угров (ханты и манси), важных для понимания динамики социокультурных изменений у этих наро-

дов. Источником информации послужили историко-этнографические исследования отечественных сибиреведов, в которых присутствуют сюжеты, связанные с обменом и торговлей. Преимущественно они затрагиваются при освещении более общих проблем и в более широких контекстах¹², поэтому в задачу автора входили обобщение и систематизация таких сведений.

Торгово-обменные отношения обских угров с другими народами имеют давнюю историю. Еще по данным Строгановской летописи, «остяки и вогуличи привожаху <...> запасы от зверей и от птиц и от рыб и от скот велми множество <...> и от товаров драгих и от всяких мягкие рухляди. Тогда московские людие и казацы <...> всякими брашна изобилны быша и богатство себе приобретают множества и от товаров драгих и от всякие мягкие рухляди» [2, 33].

В XVII–XVIII вв. основным товаром аборигенного населения была пушнина. С конца XVIII в. товарообменные и денежные отношения стали проникать в рыболовный промысел (о становлении рыбопромышленности в Западной Сибири см. [3]), и к середине XIX столетия в роли торгового эквивалента наряду с песцовыми и беличьими шкурками стал выступать муксун [4, 76]. В целом в XIX в. все традиционные для края промыслы (рыболовный, охотничий, некоторые виды собирательства) в той или иной степени приобрели товарный характер. Продукты этих промыслов появлялись на внутреннем рынке страны, а земля Югорская заняла свое характерное место в общей системе экономической районной специализации [5, 59].

¹² Об историко-этнографических контактах хантов и манси см., например: *Лукина, Н. В.* Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // *Материалы по этнографии Сибири.* Томск, 1972; *Соколова, З. П.* К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров // *Этногенез и этническая история народов Севера.* М., 1975; она же. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. / *Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири.* Томск, 1981; *Миненко, Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; *Головнев, А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; *Федорова, Е. Г.* Обские угры: вехи этнической истории // *Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории).* СПб., 1999; *Люцидарская, А. А.* Русско-мансийские отношения конца XVI–XVII вв. // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 3; *Мартынова, Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998; *Карих, Е. В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. 2004; *Перевалова, Е. П.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004; *Главацкая, Е. М.* Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005; *Пивнева, Е. А.* Исторический опыт русско-угорских взаимодействий / *Этнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России.* М., 2006 и др.

Важную роль в снабжении населения необходимыми товарами фабрично-заводского производства имела ярмарочная торговля. К середине XIX в. крупнейшей на Тобольском Севере была ярмарка в Обдорске. Ее подробное описание содержится, например, в работе Н. А. Абрамова «Описание Березовского края» (1857 г.): «Обдорская ярмарка начинается с 20-х чисел декабря и продолжается до половины января. Сюда прибывают самоеды для взноса ясака и для торговли, остяки из округа и зыряне из Архангельской губернии. Первые два племени привозят сюда шкуры пушных зверей, оленье шкуры и мясо, гагачий пух, рыбу, мамонтову кость и лодки, а зыряне коровье масло, семгу, моржевые ремни, железные поделки и медную посуду, также малицы, парки, гуси и пимы. Русские с лета заплывают сюда муку и привозят табак, сукна ярких цветов, холст, ситцы, платки, легкие шелковые материи, стеклярус, корольки, также чугунную, железную и медную посуду. Доставляемые зырянами и русскими хлеб и прочие товары промениваются на произведения, привезенные самоедами и остяками. Под ярмаркою бывает занято 120 амбаров» [6, 59]. В первых числах июня в Березов приходило из Тобольска до десяти рыбопромышленных судов с хлебом и разными товарами. Места постоянного торга на Обском Севере существовали и в других населенных пунктах [6, 60–61 и др.].

В промысловых районах сделки по сбыту местных продуктов и приобретению привозных товаров происходили почти исключительно в форме прямого (натурального) обмена. Его своеобразной начальной формой можно считать выдачу народам Севера за добровольный ясак «государевых подарков». По словам С. В. Бахрушина: «Как общее правило, они ожидали в обмен на принесенную пушнину каких-нибудь подарков. Поэтому ясачные сборщики отдавали их «государевым жалованьем»: наряду с безделушками, туземцы получали ножевые железца, топоры и т. п. <...> в целом ряде случаев ясачный сбор принимал характер меновой сделки, с той лишь разницей, что оплачивалась ясачная пушнина ниже рыночной ценности» [7, 76].

Меновая форма торговли сохранялась еще в XIX веке («Ценность денег остякам и самоедам мало известна. Общим мерилom для денег остается доселе у остяков белка и рыба муксун, а у самоедов – белый песец») [7, 60]. Такое же положение характерно и для начала XX в., к которому относится описанная А. А. Дуниным-Горкавичем схема товарообменных отношений на Тобольском Севере: «Предметы, добытые инородцами путем <...> промыслов, вымениваются у них местными торговцами, которые для этой цели съезжаются со своими товарами в известное время и в определенные пункты. В то же время и в те же пункты собираются инородцы со своими товарами для положения ясака, расчета за казенную муку, взноса земских повинностей и закупки необходимых в их обиходе предметов. Предметы остяцкого промысла, кроме того, скупаются, т. е., собственно говоря, вымениваются, торговцами в одиночку и вне времени, назначенного для съездов-торжков. Избегая хотя и слабой конкуренции на торжках и ярмарках, установленных в некоторых пунктах, многие торговцы, перед окончанием звероловных промыслов, едут в места кочевок инородцев, и там по произвольной и весьма низкой цене они берут за долги или выменивают большую часть добываемых инородцами звериных шкур» [8, 97].

При развозе товаров по паулям и юртам практиковалось т.н. «гостевание». «Купец являлся в качестве гостя, который ожидал и требовал угощения и внимания и для которого ничего не жалели» [7, 68]. Как заметил С. В. Бахрушин, годами практики выработалась торговая политика деловой купеческой «дружбы» с эксплуатируемыми ими туземцами, у каждого торговца были свои «знакомцы» [там же]. Любопытное наблюдение по этому поводу есть у Н. А. Абрамова: «Торг большею частью <...> производится скрытно. Инородец, пришедши к своему приятелю (так они называют тамошних купцов и торговцев, с которыми ведут торговлю и у которых «одалживаются»), вытаскивает из-под одежды звериные шкуры и, если сойдется в цене, отдает рухлядь и взамен получает хлеб, табак и другие нужные товары; если

же торг не состоится, то идет к другому приятелю» [6, 60].

Со временем «дружеские» деловые отношения перерастали в экономическую зависимость аборигенов от своих торговых партнеров. Этому способствовала широко распространенная в XIX – начале XX в. в экономических отношениях торговцев с сибирскими аборигенами кредитная система. Раз в год, обычно в декабре, торговец производил расчет со своими клиентами: с одной стороны, учитывалась общая сумма долга за год, т. е. взятого товара, с другой – стоимость рыбы, ягод и других продуктов, принятых им в течение года. В зависимости от того, какая сумма оказывалась большей, торговец или выдавал разницу товарами, или записывал долг в счет будущего года и снова открывал кредит. С одной стороны, благодаря этой системе северные народы могли сдавать продукты промыслов на месте, получая взамен все необходимое [9, 115], с другой – такие отношения втягивали сибирских аборигенов в долговую кабалу. Как правило, они не знали реальной суммы своего долга. В одном из своих очерков из жизни вогулов (манси) К. Д. Носилов так рассказывает о «путанице» при сборе долгов: «вогулы не знали, за что с них требуют деньги, не помнят, сколько взяли по какой цене хлеба, свинца, соли, пороха; тот говорит, что уже заплатил, другой заявляет, что он не брал вовсе; поднялся шум, кто поскромнее – платил, кто посмелее – отказывался, и на него записывали «взыскать описью имущества». К счастью, у вогула ничего нет в юрте, что описать, и это было только средством попугать их; в сущности, долг отсрочивался и рос, пока его не сложит сама волюсть или манифест» [10, 215–216].

Особенно зависели от кредита охотники дальних лесных угодий по притокам Оби. У них был товар, который необходимо было сбыть, но не было транспортных возможностей для его вывоза на продажу; на следующий сезон охотник нуждался в продовольствии и снаряжении. Эти заботы брали на себя кредиторы с целью обеспечить себе на следующий год поставщиков пушнины за счет долгов. Устойчивые системы зависимости сформировались в XIX в. и в рыболовстве. Крупные рыбопромыш-

ленники, арендовавшие угодья по Оби, обеспечивали своих клиентов-аборигенов необходимыми продуктами, рабочими местами на лето и орудиями производства, платили за них ясак и казенные долги. Кроме того, они занимались организацией работы артели, следили за посолом рыбы, платили за аренду; они же скупали обычно весь свободный улов. В меньшей степени в кредитную систему были втянуты оленеводы, которым олени давали экономическую независимость и мобильность [9, 115–122].

В исторической литературе затрагиваются вопросы о зависимости сибирских аборигенов от привозных продуктов и связанной с этим переориентацией их хозяйственной деятельности на рынок. «Плоды знакомства инородца с народами, стоящими выше его по развитию, пока сказываются довольно печально – развивается роскошь сравнительная, конечно, в виде водки, табаку, чаю, разноцветного сукна и ситца, всевозможных металлических и стеклянных украшений, за которые приходится платить <...> В прежнее время, когда его потребности были незначительны, когда он вполне удовлетворялся тем, что получал от своих вод, лесов и тундр, он был счастлив; теперь потребности с ознакомлением, при посредстве русских и зырян, с плодами цивилизации увеличились, а средства к их удовлетворению уменьшились <...> Но не в этом беда еще, а в том, что прежде всем убитым, всем наловленным инородец пользовался сам – шкурами одевался, мясом питался и только избыток сбывал; теперь же, наоборот, он ловит, стреляет с целью продать и только самое необходимое, несчастные остатки он оставляет себе, от этого и происходит увеличение смертности, так как ослабевший организм не может, понятно, уже так успешно бороться с болезнями как организм здоровый» [11, 89–90].

Опыт торговых контактов изменил и бытовую «наивность» аборигенов. Наблюдавшие за их жизнью исследователи и путешественники видели в этом «порчу нравов»: «то население, которое когда-то поражало своей, простотою, честностью и гостеприимством, теперь стало неузнаваемо – оно приобрело совершенно противоположные свойства – сделалось хитро, бесчестно, час-

то нахально и требовательно, и теперь обмануть его уже не так легко, как это было прежде напротив, нередко оно само увлекает в обман; только на отдаленном Севере, в тундрах, на берегах Ледовитого моря; в урманах – первобытных лесах удаленных от удобных путей сообщения, замечается прежнее детское добродушие и наивная простота», – писал в 1888 г. Н. Л. Гондатти [там же].

Крайне негативные последствия для аборигенного населения Сибири имело использование в практике меновой торговли алкоголя. По свидетельству С. В. Бахрушина: «Торговые и промышленные люди еще раньше, чем Сибирь обстроилась государственными городами и острогами, нашли путь в чумы простодушных туземцев с теми товарами, которыми повсюду европейцы соблазняли и соблазняют дикарей – бисером, одекуем (хрустальные бусы), колокольцами, обрезками цветных материй, обломками оловянной посуды и т. д. Не последнее место занимали в меновой торговле хлебные запасы и особенно вино, которым усердно спаивали падких на алкоголь дикарей» [7, 78].

Широко практиковалось «угощение инородцев» в городах при сдаче ясака: «всегда иноземцев, как государев ясак платят, государевым питьем, вином поят, и на те расходы из Тобольска вино присылается» [12, 73]. К началу XX в., по наблюдениям А. А. Дунина-Горкавича, привычка к пьянству была распространена среди инородцев в ужасающих размерах: «Пьянство – главный порок инородцев Севера, <...> главное препятствие благосостоянию их. Не говоря о вреде его для инородцев с чисто физиологической стороны <...> оно в корне подрывает их материальное положение. Очень многие сделки с инородцами совершаются при помощи вина, причем в результате оказывается, что инородец обманут. Зная склонность инородцев к вину, торговцы, а иногда и свой брат, торгош-инородец, предварительно спаивают их и берут за водку разного рода шкуры и рыбу, иногда менее, чем за половинную цену» [13, 136]. Безрадостная картина на эту тему представлена в трудах и других исследователей: «Водкой торговали все без исключе-

ния – одинаково купцы и чиновники; за водку в руки торгашей переходила за бесценок вся добыча туземца-охотника <...> неграмотные туземцы, всецело предоставленные в жертву частных торговцев, попадали в безысходную кабалу, вынужденные покупать предметы первой необходимости по самым невероятным ценам» [7, 94].

Следует отметить, что российское правительство старалось регламентировать частную торговлю с жителями Сибири и ограничить завоз аборигенам спиртных напитков. Указами запрещались самовольные поездки купцов в стойбища до сбора ясака, были установлены правила торговли на ярмарках и т. п. Кроме того, для улучшения снабжения товарами русского и коренного населения и воздействия на частную торговлю в регионе была организована государственная торговля. Особое значение для аборигенных народов имело создание в 20–30-е гг. XIX в. экономических запасных капиталов, казенных экономических складов и магазинов, из которых население приобретало на пушнину товары первой необходимости, боеприпасы, железные орудия, хлеб, соль и другие товары по умеренным ценам. Этим самым государственная торговля сдерживала в известной степени рост цен на эти товары у купечества [14]. Однако, по мнению некоторых авторитетных исследователей прошлого, в вопросе об охране сибирских аборигенов от торговой эксплуатации, власть просто оказалась бессильной. С. В. Бахрушин, например, считал, что «правительство за столетие, истекшее за время от издания Устава 1822 года до революции 1917 г., – частью сознательно отступило от системы покровительственного отношения к туземцам, частью не могло бороться за их интересы, не нарушая тем более близких ему интересов русских колонистов и торговцев» [7, 94].

Что еще принесли рыночные отношения сибирским аборигенам?

Торговые контакты и взаимодействия укрепляли экономические и бытовые связи жителей отдельных районов, носителей разных культурно-бытовых традиций, способствуя тем самым взаимообогащению культур. Их влияние на образ жизни аборигенов было неоднородным и зависело от степени уда-

ленности различных групп обских угров от русских поселений: «Там, где среди остяков разбросаны оазисами русские селения, или сами остяки проживают близ границ сплошных русских поселений, весьма заметно влияние на остяцкую жизнь русской культуры. На других инородцах, как очень редко соприкасающихся с русскими, влияние это почти не сказывается <...> Стоит только взглянуть на одежду того и другого, чтобы немедленно отличить одетого в одежды из шкур оленного остяка от лошадного, наряженного в одежду из фабричного материала своеобразного покроя, а иногда и в одежду чисто русского типа с его неизбежными «спинжаками», «брюками на улицу» и даже «калошами» [13, 88–89]. У хантов, приписанных к русской Самаровской волости, А.А. Дунин-Горкавич нашел «почти полную русскую обстановку»: «избы – с русскими печами; есть мебель: столы, кровати и даже стулья; есть самовары, и даже водится фамильный чай» [13, 128]. А П. П. Инфантьев, совершивший в 1892 г. поездку на Конду, так описал обстановку в доме одного из вогулов в поселке Полушаим: «Жилище Степана походило скорее на русский дом русского зажиточного торговца, чем на юрту дикаря-вогула. Самый дом его был очень поместителен и состоял из трех комнат, не считая прихожей, выходившей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшие вдоль стен, были покрыты ковриками, на столах были разостланы скатерти. Но вся эта русская обстановка нам сделалась понятной, когда из разговора со Степаном мы узнали, что он был женат когда-то на русской и имел очень частые сношения с русскими, ведя с ними торговлю пушниной и рыбой» [15, 47]. Торговые контакты с русским населением привели к распространению в рационе питания сибирских аборигенов не характерных для них ранее продуктов питания, прежде всего хлеба, увеличилось употребление мучной и молочной пищи. В хозяйственной деятельности произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова.

Во второй половине XIX – начале XX в., в связи с развитием в Западной Сибири капиталистического предпринимательства, интен-

сивность межэтнических, в том числе торговых, контактов усилилась, вызвав у обских угров новую волну этнических изменений. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-угорского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей [16, 47]. Товарные отношения вовлекали в экономический оборот большее число представителей аборигенных народов, способствовали овладению ими русским языком, смешению и нивелировке хозяйственно-культурных традиций. Однако, как уже было отмечено выше, содержание и этнические последствия этих отношений у разных групп обских угров варьировали в зависимости от множества факторов. Эти вопросы нуждаются в дальнейших исследованиях и концептуализации.

В итоге краткого экскурса в историю торговых отношений у обских угров обратимся к теории и приведем мнения двух известных антропологов о социальной сущности рыночных отношений. Американский антрополог Л. Уайт считает, что «экономические системы гражданского общества внеличностны, антигуманны и неэтичны, или, в переводе на язык человеческих отношений, безлики, бесчеловечны и безнравственны. И нигде эти качества не проявляются с такой отчетливостью, как на рынке и в сфере купли-продажи» [17, 332]. Он пишет: «Рынок – арена, на которой товары встречаются как соперники, каждый из которых желает заткнуть за пояс остальных. В процессе купли-продажи каждый продавец стремится получить за свой товар самую высокую цену, а каждый покупатель – уплатить за него как можно меньше. Коротко говоря, в этом процессе все определяется погоней за прибылью, а человеческим ценностям и добродетелям места нет» (*курсив мой – Е. П.*) [17, 333].

Другой известный антрополог М. Гodelь демонстрирует несводимость всей полноты жизни, как в мире современной культуры, так и в традиционном обществе, к «ценностям» консьюмеризма (купи-продай): обмен есть лишь средство осуществления функционирования общества, а не его цель. В своей книге «Загадка дара» автор блестяще выполнил функцию гумани-

тарной науки – обнаружение человека за экономическими структурами и процессами – и показал необходимость «неотчуждаемых объектов» в любом обществе [18].

Приведенные высказывания, как и уроки истории, могут стать поводом для будущих размышлений о значении рынка для этнической культуры сибирских аборигенов.

Литература

1. Ссорин-Чайков, Н. В. Обмен и этнографические карты модерна на севере Сибири [Текст] / Н. В. Ссорин-Чайков // Торговля в этнокультурном измерении: материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб. : ИПЦ СПГУТД, 2015. – С. 106–109.
2. Сибирские летописи [Текст]. – СПб. : Импер. Археографическая комиссия, 1907. – 464 с.
3. Варпаховский, Н. А. Рыболовство в бассейнах реки Оби [Текст] / Н. А. Варпаховский. – Тюмень : Мандрика, 2003. – 256 с.
4. Миненко, Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 308 с.
5. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учеб. для старших классов [Текст] / Отв. ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург : Волот, 2000. – 467 с.
6. Абрамов, Н. А. Описание Березовского края [Текст] / Н. А. Абрамов. – Шадринск : Исеть, 1993. – 84 с.
7. Бахрушин, С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (исторический очерк) [Текст] / С. В. Бахрушин // Советский Север. – 1929. – № 1. – С. 66–97.
8. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север : в 3-х т. / А. А. Дунин-Горкавич. – Т. 3. – М. : Либеря, 1996. – 208 с.
9. Карих, Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. [Текст] / Е. В. Карих. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 232 с.
10. Носилов, К. Д. У вогулов: Очерки и наброски [Текст] / К. Д. Носилов. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 304 с.
11. Гондатти, Н. Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь [Текст] / Н. Л. Гондатти. – М. : [б. и.], 1888. – 186 с.
12. Бахрушин, С. В. Ясак в Сибири в XVII в. [Текст] / С. В. Бахрушин: научные труды. – Т. III. – Ч. 2. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – С. 49–85.
13. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север : в 3-х т. [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Т. 1. – М. : Либеря, 1995. – 376 с.
14. Исаков, А. Н. Развитие обмена и торговли у малых народов Северо-Востока Азии в дореволюционный период : дис. ... канд. экон. наук [Текст] / А. Н. Исаков. – М., 1984. – 220 с.
15. Инфантьев, П. П. Путешествие в страну вогулов [Текст] / П. П. Инфантьев. – СПб. : Изд-во Н. В. Ельманова, 1910. – 202 с.
16. Побережников, И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века [Текст] / И. В. Побережников // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 44–52.
17. Уайт, Л. А. Экономическая структура высоких культур [Текст] / Л. А. Уайт // Антология исследований культуры. – Т. 1. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 314–340.
18. Годелье, М. Загадка дара [Текст] / М. Годелье. – М. : Восточная литература, 2007. – 296 с.

References

1. Ssorin-Chaykov N. V. *Obmen i etnograficheskie karty moderna na severe Sibiri* [Exchange and ethnographic maps of a modern in the North of Siberia]. *Torgovlya v etnokul'turnom izmerenii: Materialy XIV Mezhdunarodnyh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenij* [Trade in ethno-cultural dimension: Materials of XIV International St. Petersburg ethnographic readings]. Saint-Petersburg: IPC SPGUTD Publ., 2015, pp. 106–109.
2. *Sibirskie letopisi* [Siberian Annals]. Saint-Petersburg: Imper. Arheograficheskaja komissija Publ., 1907. 464 p.
3. Varpakhovskiy N. A. *Rybolovstvo v bassejnah reki Obi* [Fishing in a river basin of Ob]. Tyumen: Izd-vo Mandrika Publ., 2003. 256 p.
4. Minenko N. A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Northwest Siberia in XVIII – the first half of the XIX centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. 308 p.

5. *Istoriya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashih dnei: Uchebnik dlya starshih klassov* [History of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug from antiquity to present days: textbook for the senior classes]. Ed. by D. A. Redin. Ekaterinburg: Izd-vo «Volot» Publ., 2000. 467 p.
6. Abramov N. A. *Opisanie Berezovskogo kraja* [Description of the Beryozovsky district]. Shadrinsk: PO «Iset» Publ., 1993. 84 p.
7. Bakhrushin S. V. *Sibirskie tuzemcy pod russkoj vlast'yu do revolyucii 1917 g. (istoricheskij ocherk)* [Siberian natives under the Russian power before Revolution of 1917 (historical essay)]. *Sovetskij Sever* [Soviet North], 1929, no. 1, pp. 66–97.
8. Dunin-Gorkavich A. A. *Tobol'skij Sever: v 3-h t.* [Tobolsk North: in 3 vol.]. Moscow: Libereya Publ., vol. 3, 1996, 208 p.
9. Karikh E. V. *Mezhehtnicheskie otnosheniya v Zapadnoj Sibiri v processe ee hozyajstvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development. XIX – the beginning of the XX centuries]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004. 232 p.
10. Nosilov K. D. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among the Voguls: Essays and sketches]. Tyumen: SoftDizajn Publ., 1997. 304 p.
11. Gondatti N. L. *Predvaritel'nyj otchet o poezdke v Severo-Zapadnuyu Sibir'* [Preliminary report on a trip to Northwest Siberia]. Moscow: [w/p]. 1888. 186 p.
12. Bakhrushin S. V. *Yasak v Sibiri v XVII v.* [Tribute in Siberia in the XVII century]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., vol. 3, part. 2. 1955, pp. 49–85.
13. Dunin-Gorkavich A. A. *Tobol'skij Sever: v 3-h t.* [Tobolsk North: in 3 vol.]. Moscow.: Libereya Publ., vol. 1. 1995. 376 p.
14. Isakov A. N. *Razvitie obmena i trgovli u malyh narodov Severo-Vostoka Azii v dorevolucionnyj period* [Development of exchange and trade among indigenous people of the Northeast of Asia during the pre-revolutionary period]. Moscow, 1984. 220 p.
15. Infantev P. P. *Puteshestvie v stranu vogulov* [Travel to the lands of the Voguls]. Saint-Petersburg: Izd-vo N. V. Elmanova Publ., 1910. 202 p.
16. Poberezhnikov I. V. *Sever Zapadnoj Sibiri v kontekste Rossijskoj modernizacii XIX – nachala XX veka* [The North of Western Siberia in the context of the Russian modernization of XIX – the beginning of the XX centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], 2013, no. 3(23), pp. 44–52.
17. White L. A. *Ekonomicheskaya struktura vysokih kul'tur* [Economic Structure of High Cultures]. *Antologiya issledovanij kul'tury* [Anthology of research of culture]. Saint-Petersburg: University book Publ., vol. 1. 1997. pp. 314–340.
18. Godelier M. *Zagadka dara* [The Riddle of the Gift]. Moscow: Izd.-vo «East literature» Publ., 2007. 296 p.